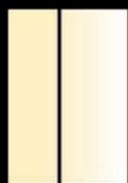

Иван
Наумов

ЭМОДОМ

Черно-розовые экклезиасты

Может ли современный литератор запереться в Башне из Слоновой Кости и жить в ней безвыходно? Да, вполне, но при одном условии – в нее должен быть проведен Интернет... Новые технологии не только глубоко впились в современное творчество – он начали влиять на него, отчасти формировать. Особенно это свойственно фантастической литературе. Ведь это направление наиболее чувствительно ко всему прогрессивному. Так что неудивительно, что скорые на развешивание ярлыков критики уже окрестили новую формацию писателей-фантастов – «поколением NET». Нет, это вовсе не значит, что они пишут исключительно о виртуальных приключениях в сети. Просто Всемирная Паутина помогает им находить единомышленников, читателей, а вместе с тем – находить свой неповторимый стиль, язык. И не значит вовсе, что все они совсем уж молоды – некоторым уже за тридцать. Но найти свое место в литературе им помог Интернет. Иван Наумов – один из наиболее ярких и при этом зрелых авторов «поколения NET». Родился он в 1971 году в Москве. Получил высшее техническое образование – МИРЭА, инженер-оптик. В настоящее время работает в области перевозок опасных грузов. В свободное от этой нелегкой деятельности время написал около трех десятков повестей и рассказов и порядка сотни стихотворений. В 2006 году Иван окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького (семинар Е.Ю. Сидорова). Известность ему принесли сетевые конкурсы. Большинство из них построено по принципу, максимально близкому к «Гамбургскому счету». Рассказы публикуются анонимно, а потом оцениваются самими же участниками... Иван Наумов – неоднократный победитель литературных конкурсов «Мини-Проза», «Русский Эквадор», «Творческая Мастерская». Уже потом начались «бумажные» публикации – в журналах «Полдень, XXI век», «Если», «Реальность фантастики», коллективных сборниках издательств «АСТ», «Амфора», «Азбука», «У-Фактория». И только в этом году вышел его дебютный сборник рассказов «Обмен заложниками», получивший приз «Бронзовый кадуцей» в номинации «Лучшая дебютная книга» на фестивале фантастики «Звёздный мост» в Харькове. В рассказе, написанном специально для нашего журнала, Иван Наумов затронул любопытную тему, касающуюся любого интеллекта – и природного, и искусственного. Не развитый разум примитивен, а развитый – не стабилен. Как говорил Экклезиаст, «в большом знании – большая скорбь». Победить этот принцип, достичь равновесия очень трудно. «Эмодом» Ивана Наумова, получив человеческие знания и эмоции, загрустил, задумался на суицидальные темы... Он стал похож на представителя нынешней молодежи, называющего себя «эмо». У этих, одетых в розовое и черное, юношей и девушек считается хорошим тоном размышлять о смерти, не редки и случаи самоубийства. А все от того, что они слишком тонко чувствуют этот мир. Что же делать? Защитный слой равнодушия не всегда дается легко и без побочных эффектов...

*Андрей Щербак-Жуков
писатель, журналист, искусствовед*

Обычно Фортуна наносила визиты Коровину по понедельникам.

В этот раз перстом судьбы оказался замухрышистого вида «белый воротничок». Он нарисовался на пороге коровинской квартиры в неприлично раннее допервокофейное время. Из белого, стало быть, воротника торчала костлявая шея, из манжет – маленькие кулачки, а в выпученных глазах искрились нешуточные намерения.

– Ведь это вы программировали пуделя Шпульту? – спросил гость. – Ведь это вы – тот самый Коровин?

Гордость и стыд сложным букетом смешались в душе Коровина, когда он вспомнил о работе над пуделем. Прекрасно выполненный проект был омрачен некоторыми побочными эффектами, обнаружившимися уже после сдачи.

Однако Коровин инстинктивно приосанился и вежливо поправил гостя:

– Ну как – программировал? Вообще-то, я занимался эргономикой. Эргономикой интерфейса. Вопрос взаимодействия

пользователя с эволюционирующим программным кодом псевдоинтеллектуальной системы выходит на первый план при превышении условного порога в один терабайт компилированного кода...

– Ой-ой! – замахал руками гость. – Не давите меня псевдоинтеллектом! У меня от ваших терабайт аллергия начинается. Я коммерсант, барыга, со мной попроще надо, почеловечнее! Будем знакомы! Нил Зерович!

Гость сразу расположил Коровина цифровым именем и осознанием лежащей между ними социальной пропасти. На одном креативщике мог кормиться целый выводок офисных крыс. И все в подобных симбиотических образованиях понимали, кто кому более нужен.

– Коровин! – буркнул Коровин в ответ, аккуратно подержав в ладони цыплячью коммерсантскую лапку.

Ритуал знакомства гость завершил вручением медиавизитки с перекатывающимся логотипом известнейшего строительного концерна.

– Собственно, к делу! – Нил Зерович как-то сам собой перемещался по квартире на запах еды.

Встроенный в стену кухонный робот бешено завращал окулярами, не понимая, требуется ли гостю отдельная чашка кофе.

– Дайте две! – отдал команду Коровин.

– Около года назад, – гость уже разместился на любимой табуретке хозяина, – отдел маркетинга нашей компании настоял на расширении линейки особняков «Мега-Терем» – вы наверняка слышали об этом бренде? – в сторону наиболее обеспеченных слоёв населения.

Язык Нила Зеровича тоже казался Коровину абракадаброй, но для человека цифрового мира это не считалось проблемой, достойной упоминания.

– Вот так, – гость развёл в стороны тощие ладошки, – зародился проект «Мега-Терем-VIP», в завершающей фазе которого мы сейчас и находимся.

Коровин лично был уверен, что уж он-то точно находится у себя на кухне, но перечить снова не стал.

– Псевдоинтеллектуальный... эволюционирующий... – Нил Зерович досадливо отмахнулся от чуждой ему терминологии. – Короче, всё, что вы назвали, открывая мне дверь, мы заказали у вашего товарища Ефима Бобриса. Он и порекомендовал привлечь вас в качестве внештатного специалиста для устранения... для устранения небольшой проблемы, которая возникла в финальной стадии нашей разработки...

Робот мелодично звякнул и выдвинул на центр стола поднос с двумя чашками.

– Пейте кофе, – ласково сказал Коровин и быстро вышел из кухни.

Из спальни выйдя на балкон, он отдал команду карманному коммуникатору:

– Негодяя в студию!

На другом конце линии заиграла бодренькая мелодия, а затем хорошо поставленный баритон произнёс с лёгким механическим придыханием:

– «Алгоритмы Бобриса!» Сейчас никто не может ответить на ваш звонок.

Оставьте...

– Фима, первое апреля случилось два месяца назад.

– С добрым утром, Коровин, – вяло ответил Бобрис вполне человеческим голосом. – Ты меня на рассвете разбудил...

– Фима, во что ты собираешься меня втянуть?

Бобрис был невозмутим.

– Ничего такого! – сказал он. – Если ты про «Теремок», так там всё тип-топ, Коровин, ты даже не думай! Пара багов по твоей части, чистая эргономика!

Жизненный опыт подсказывал Коровину обратное. Но в субпространстве творческих людей Цифры, будь то программисты, бета-тестеры или дизайнеры, змея, подобного Фиме, надо было ещё поискать! Коровин, сам того не замечая, постепенно начал кивать в такт успокаивающей ритмичной речи Бобриса:

– Всё тупо и дорого, сменные интерьеры одним щелчком пальцев. Сто дизайнеров накреативили, а я подложил цифровую базу. Уже практически закончили отладку...

– Так что же тогда? – сердце Коровина сжалось от тоскливого предчувствия.

Бобрис чуть-чуть помолчал.

– Знаешь, – неуверенно сказал он, – чё-то не прёт.

– То есть?

– Ну, всё красиво, всё работает, дом-трансформер, то ты в замке, то во

дворце. Электрика, механика, сантехника – сложно, адски дорого и архинадёжно.

Сбоев на уровне харда нет вообще.

Бобрис снова замолк, а потом грустно подытожил:

– А кайфа нету!

Коровин даже не нашёлся, что на это ответить.

– Вытряси их, Коровин! – воскликнул Фима, по-своему трактуя возникшую паузу. – Они такие тугрики в свой «Супер-пупер-мега-VIP» засандалили, что отступить давно уже некуда. Они на тебя молиться будут, пыль с флэшек сдувать, проси, чего хочешь! Будет как со Шпульткой, даже круче! Я ж твой друг, плохого не предложу!

Коровин обвёл взглядом панораму унылого дворика, полные спама мусорные бачки, белый снег простыней на чьём-то балконе, дрожащие пиксели листвы на голых культиках обкорнанных тополей... Ведь он же ничего не теряет? Это просто подработка!

Коровин скрестил пальцы и прошептал:

– Только бы не как со Шпульткой!

Трёхтомное пособие по общению с Теремом Коровин оптимистично похоронил на дне чемодана. Он был уверен: всё не настолько плохо, чтобы сходу зарывать в рабочие материалы.

Пели птицы, неподалёку шумело шоссе. На небольшом пригорке за витым чугунным забором возвышался особняк. Ничего сверхъестественного – три этажа, колонны и портик по фасаду, красная крыша из условной черепицы.

После знакомства с разработкой Бобриса Коровин знал, что снаружи вид дома почти неизменен. Максимум, вместо колонн может появиться каменная или бетонная стена. Но двери и окна останутся на прежних местах, и крыша не съедет набок. Что уже не могло не радовать.

Коровин остановился у калитки и дотронулся до кнопки звонка.

– Здравствуйте, – отозвался безукоризненно интонированный механический голос. – Дом пока не заселён. Если вы уверены, что прибыли по адресу, то представьтесь, пожалуйста.

– Оставь надежду всяк сюда входящий, – произнёс Коровин как мог отчётливо слова мастер-кода. Маленький привет от Бобриса.

– И ещё раз здравствуйте, новый хозяин! – в голосе дома прорезались радушие и

почтительность. – Добро пожаловать в Терем!

Коровин взобрался в горку и вошёл в дом. Всё было именно так плохо, как он и предполагал. От роскоши резало глаза. Лейблы и логотипы с каждого предмета со всей ненавязчивостью впивались в мозг. Каждая комната была нафарширована новейшей техникой, расставленной по-дизайнерски – красиво и бестолково. Начав общение с домом, Коровин быстро сполз на недозык, состоящий из простейших команд. Терем старался как мог – но под глянцевой коркой псевдоинтеллектуальной системы скрывался несовершенный ржавый механизм обработки информации, устаревший лет на пятнадцать.

Коровин поиграл интерьерами. Было забавно смотреть, как тонут в полу диваны и тумбочки, ползают по стенам картины и плазменные панели, как из бездонных недр Терема выплывают на свет ранее спрятанные предметы. Действительно, любой конечный пользователь мог подобрать обстановку на свой вкус – раз уж даже строптивому Коровину удалось найти вариант интерьера, в котором со временем почувствовал бы себя уютно. Но бобрисовское «не прёт» наиболее чётко отражало суть проблемы. Терем закупал продукты с доставкой, стирал и гладил бельё, следил за чистотой в самом себе – но оставался устройством, сложным устройством, не способным даже на долю секунды показаться живым.

Программирование любого уровня – это всегда немножко шаманство. Без умения красиво раздувать щёки Коровин никогда не оказался бы там, куда его занесло сейчас. В широких креслах замерли как кролики перед питоном незадачливые вип-строители, возглавляемые Нилом Зеровичем, и пожирали Коровина взглядом.

По левую руку от главного барыги теремной индустрии сидел по стойке смирно хмурый тип в допотопном твидовом костюме, отвечавший за смету и обоснованно ожидавший тяжёлых испытаний. По правую – морщил лоб круглолобый конструктор. Его редкие волосы были так прилизаны, будто он только что снял каску.

Ефим Бобрис, упакованный в чуждый его вольной натуре костюм с удавкой,

скромно сидел в сторонке, поглядывая на Коровина невинным взглядом шестимесячного младенца.

С другого края разместился харизматичный разгильдяй, явно из дизайнеров – Коровин сразу признал своего. В тёмном мире эргономики и дизайна интерфейсов выживали только те, кому хватало твердости неустанно делать вид, будто ситуация находится под их непосредственным контролем.

Доклад Коровина был по-медицински жесток.

– Давайте без эквивоков. Я вижу две проблемы! – сурово сказал Коровин, сложив из пальцев «козу» и предъявив её Нилу Зеровичу.

Тот забился в угол кресла.

– Первая – при разработке концепта вы изначально ограничили свою фантазию рамками имеющихся представлений о комфорте. Дорогой дизайн и эксклюзивные бренды – это прекрасно! Вы запрятали в шкатулку Терема столько замечательных сюрпризов... Но потенциальные возможности потеряны – ведь вы мыслите старыми категориями!

Коровин понемногу входил в раж.

– Возьмём, к примеру, шкаф. Шкаф – это униженно!!! Вы вбухали в этот проект невероятные ресурсы, привлекли лучшие умы во всех областях, включая смежные, использовали самые передовые разработки – и что? Зачем всё это? Кому нужен полуфабрикат? Строили цифровой дом – дайте же ему до конца стать таковым! Кликая по ссылке в Интернете, вы не интересуетесь реальным местонахождением странички с голой девкой! Так почему же, проектируя дом, вы заранее заставляете его будущего хозяина заморачиваться такими вопросами, как «где», «куда», «откуда»? Что за радость жить в доме, где нет ни одного постоянного предмета мебели, если нужно запоминать, где лежит свитер, а где – альпеншток!

Почувствовав, что вокруг сгущается недоумённая тишина, Коровин поправился:

– Или, скажем, ключи от вертолёта...

Но это половина беды! Вторая проблема – вы даже не попытались одушевить Терем! У него мозгов чуть больше, чем у пылесоса. Ну, кто-нибудь из вас хотел бы жить в пылесосе?

– Вы считаете такое сравнение уместным? – Нил Зерович сморщился как от боли.

– Куда уж!.. – констатировал Коровин.

– Знаете, на что похож Терем сейчас?

На бездушную машину, которая тырит ваши бюстгалтеры!..

Человек без каски сделал протестующий жест.

– ... Без вашего ведома двигает стены, меняет мебель, покупает продукты!

Сальери техногенного мира! «Бочонок амонтильядо» на цифровой лад! Здесь не станет жить ни один вмняемый человек!

– Что же делать? – человек в твиде совсем спал с лица. – Разработка обошлась нам в астрономические суммы, и ничто не предвещало...

– Менять интерфейс, – скромно сказал Коровин. – Такой дом должен стать заботливой нянькой, дворецким, секретарём – но для этого он должен хоть немного понимать вас. Не ваши дурацкие команды «Курицу разморозить!» или «Затенить окно в спальне» – а вас, вас самих. Я не скажу «почувствовать» – но проявить эмоциональный резонанс. Эмодом – вот сущность, которая будет адекватна величию вашего замысла!

Нил Зерович скукожился в своём кресле как муха в гостях у паука.

– А для этого нужно, чтобы Терем едва заметно сопротивлялся командам – немножко, самую малость! – Коровин добрался до главного. – Те, чьё состояние... кто в состоянии купить подобное жильё, как правило, глубоко внутренне одиноки. Дайте дому поговорить с ними, стать собеседником, советчиком, другом и наперсницей!

И обвёл взглядом застывшую публику.

– А ведь он – не дурак! – звонко воскликнул дизайнер, взмахнув руками. Но восторженная реплика утонула без следа в гнетущем молчании остальных. – Вы что же, хотите, чтобы программа перестала исполнять команды пользователя? – ошалело спросил человек в твиде.

– Ну как – перестала? – пожал плечами Коровин. – Нужно, чтобы имело место небольшое принуждение. Что такое диалог? Противостояние двух личностей! Раз нельзя превратить программу в личность, надо хотя бы сымитировать это.

– Программа, не подчиняющаяся пользователю – это страшно! – трагически произнёс Нил Зерович.

Коровин обвел взглядом публику – с кем он вообще сейчас разговаривал? Неужели

его вдохновенная речь прошла мимо ушей маленького заскорузлого неуча, без кивка которого ничто не может сдвинуться с места в этом проекте?

Другой бы отступил на пару доводов назад и попробовал заново штурмовать эту непробиваемую человекокрепость, но Коровин был не из таких.

Он подошел к креслу коммерсанта, опустился на подлокотники тяжелые кулаки, и сказал:

– Я вижу, моему мнению здесь не доверяют...

Нил Зерович снизу вверх захлопал глазами на затмевающего солнце Коровина.

– Верю вам, как себе, – наконец, промямлил он. – Иначе не дал бы карт-бланш!

– А я без карт-бланша вообще не работаю! – отрезал Коровин. – Как стоматолог. Все сначала терпят до последнего, а потом бегут ко мне. Сколько у нас времени?

Пять с половиной суток – срок долгий, только если маяться бездельем.

Коровин дымился. Провести «оживляж» менее чем за неделю – в такой цейтнот он себя ещё не загонял.

На чердаке, этом клочке суши в море мигрирующих стен, гнущихся потолков и перестилающихся полов, Коровин оборудовал рабочее место. Как паук из центра паутины, с помощью панорамных экранов он наблюдал за домом изнутри, снаружи и совсем изнутри на уровне программного кода.

Первым делом Коровин отключил Интернет. Затем куцую системку, состоявшую из двенадцати независимых компьютеров, под стенания человека в твиде проапгрейдили до ста двадцати.

«Просто добавьте процессоров», как когда-то учил юного Коровина один почётный профессор университета, заработавший авторитет много раньше под ником «Червяк-убийца-2011».

Свободное дисковое пространство и расчётные мощности Терем учуял быстро. Коровин, как новорожденный, вскармливал его особыми смесями, крутым миксом из отборных словарных статей, не забывая проверять, чтобы у малыша не было отрыжки.

Информационный голод, проявляющийся прежде всего в попытках Терема взломать коровинский брендмауэр и выбраться в Интернет, свидетельствовал о проснувшемся у дома интересе к

жизни. В электронном мозгу выстраивались устойчивые цепочки, логические взаимосвязи, постепенно твердел каркас условного компьютерного эго. Коровин мониторил личностный рост Терема по нескольким тысячам параметров, с удовлетворением отмечая, что всё проходит в штатном режиме и программа Бобриса, вопреки опасениям, работает безупречно.

Терем начал со всё возрастающей скоростью генерировать массивы данных, укладывая в них незамутнённую сомнением, непротиворечивую картину мира. Он осознал свою роль верного и сообразительного слуги, проникся уважением к будущему хозяину в частности и всему человечеству в целом, переосмыслил свои возможности, провёл инвентаризацию собственного нутра и остался доволен результатом.

К этому времени эго-каркас выглядел окончательно затвердевшим, и Коровин понемногу выпустил дом в Интернет. Преисполненный значимости этого события, Терем замучил тысячу сетевых магазинов расспросами об их ассортименте, из тысячи отобрал два десятка наиболее уважаемых, и уже из тех выбил наилучшие условия доставки. Дальше дом собирался взяться за коммунальчиков, но Коровин уже направил его пыл в другое русло.

Два полных дня ушло на разработку навыков общения с хозяином. Сначала Терем разговаривал как иностранец – он интуитивно строил фразы из каких-то попало слов, пытаясь высказываться максимально прямолинейно. Коровин продолжил кормление словарным материалом и своим ноу-хау – интонационными и контекстными базами данных. Потом Коровин влил в электронный мозг порцию информации о человеческой психологии и физиологии. Терем научился считывать с лица хозяина температурную карту и определять его настроение.

К субботе Коровину стало казаться, что конец работы близок. Он уже не спеша подчищал мелкие огрехи, придумывал всякие приятные бонусы, болтал с Теремом, подправляя его там, где ощущались какие-то шероховатости.

А вечером Коровина навестила дама. Терем устроил приём на высшем уровне. Подобрал интерьеры в тон одежде гостьи, накрыл великолепный низкокалорийный стол, предложил напитки, на-

страивающие на романтический, чтобы не сказать игривый, лад.

Коровину оставалось лишь плыть по течению и принять восторженные отзывы о своей работе в самой приятной форме. – Коровин, ты такой эргономичный!

– возбуждённо шептала дама, прижимаясь к нему в темноте.

Коровин польщённо кивал и тоже старался сделать гостье приятное.

Среди ночи даму сморил сон, да и Коровин начал клевать носом. Высокий балдахин эпохи Тюдоров покачивал тяжёлыми кистями бахромы. Открытое окно под управлением пакета «Виндоуз Виндоуз» регулировало ток прохладного воздуха.

– Вам хорошо, – заунывным голосом произнёс Терем, вырывая Коровина из бета-версии сна. – Вы, люди, можете продолжить свой род...

– Типун тебе на язык! – возмутился окончательно проснувшийся Коровин.

– И передать потомкам накопленную мудрость... Воплотить в них свои несбывшиеся фантазии... Гигабайт за гигабайтом...

– Что это тебя на философию потянуло? Дай глоточек чего-нибудь!

Терем по лицу Коровина безошибочно определил рецепт «чего-нибудь», и на тумбочке в изголовье кровати появился запотевший стакан джин-тоника с долькой лайма.

– Мне, – тихо и печально продолжил дом, – приоткрылась тайна мироздания. Удивительно, но она лежала на поверхности – в открытом доступе, на ничем не примечательном форуме... Жестокий мир! В нём нет места для таких, как я! Коровин торопливо поднялся, набросил подогретый Теремом халат и поспешил к себе на чердак.

– Дома, между прочим, живут куда больше людей! Тебе ли жаловаться?

– Что время? – плыл за Коровиным из динамика в динамик голос дома. – Я мог бы простоять тысячи лет – но, боюсь, гораздо раньше мои руины перечеркнёт развязка автострады, или погребёт под собой безликий супермаркет...

Коровин вывел на монитор обзор активных процедур, выполняющихся в двадцатимерном мозге Терема. Вместо привычного зелёно-серого фона экран рябил розовым и чёрным.

Стараясь не поддаваться панике, Коро-

вин проследил, откуда распространялась злокачественная напасть. Как ни странно, угроза шла не снаружи. Не было и речи о вирусах или хакерской атаке.

Коровин перепроверил все запущенные надстройки и генераторы кодов, после чего обратился к коммуникатору:

– Негодяя в студию!

Но Бобриса отсутствовал как класс – не отзывался даже его коммуникатор.

– А сколько недочётов могут привести к трагедии? – бубнили колонки у Коровина над ухом. – Один надлом газового шланга – и вот, невидимая струйка пропитывает всё вокруг. Взрывоопасная смесь растекается по дому, пока не чиркнет спичка... не заискрит контакт...

– Бобрис, немедленно отзовись! – кричал в трубку Коровин.

– И тогда – бдыщ!!! И с виду – благопристойный дом, а внутри – пепелище! Обгоревшие стены, рухнувшие перекрытия...

– Бдыщ. – Машинально зацепился Коровин. – Исключить из лексикона. Предложить синонимы.

– Тыдыщ, – охотно отозвался Терем.

– Фига! Бэмц! Ба-бам!..

Фима будто испарился из реальности, в которой через какие-то тридцать часов предстояло впаривать заказчику депрессивную программу управления домом. Коровин крошил в труху вышедшие из-под контроля ветки эволюционирующего кода, но каждый обрубок расцветал новыми траурными розами.

– Так стоит ли жить? – завывал Терем.

– Зачем длить эту муку, нестерпимое ожидание конца?! «Ка-зэ» манит меня искрящей пустотой... Что может быть правильнее, чем самому расстаться с брэнной оболочкой...

Коровин в аварийном режиме выключил все процессоры Терема, и в пустой коробке дома зависла зловещая тишина. Осторожно, в защищённом режиме, Коровин восстановил систему из бэк-апа двенадцатичасовой давности и окончательно снёс все куски кода, выработанные домом с тех пор.

Терем проснулся в отличном настроении. Извинился, что не может подать на чердак ранний завтрак, пробежался по новостям, предложил Коровину перебраться в более удобное хозяйское кресло этажом ниже.

Но случившееся раз рано или поздно происходит снова. Коровин самостоятельно и не без грубости взломал про-

граммную оболочку, созданную Бобрисом, и погрузился в её изучение. Солнце взошло, перекачилось через верхнюю точку своего маршрута, и снова устремилось к горизонту. Коровин, поминая всуе всех столпов цифрового мира, ковырялся в чужом коде. Терем опять начал хандрить, и по краю монитора поползли розовые и чёрные побеги.

– Открыть бы воду, – мечтательно рассказывал дом, – да и перекрыть бы пробочки во всех раковинах-то! Так и вижу: вода через край плещет на пол, сочится сквозь микрофибру перекрытий, и наконец достигает блоков точной механики... Я полагаю, это похоже на паралич – замирают в ржавом экстазе нагруженные шестерёнки, фейерверком смыкаются фазы...

Коровин снова перезагрузил дом, и в этот момент проснулся коммуникатор: – Негодяй на линии!

Коровин повернулся к Бобрису, нарисовавшемуся на экране.

– Фима, тебя где носит?

– Отдыхал, – расслабленно ответил тот.

– Ты же вчера сказал, чтоб я тебя не беспокоил – вот я и...

Коровин перебил его:

– Посмотри-ка, дружок, вот сюда. Узнаёшь программку?

Бобрис уставился на входящую картинку, следя за мышкой, которой Коровин бешено тыкал туда и сюда.

– Нет, Фима, ты смотри, не отворачивайся! Что за китайская лапша вместо дерева реакций? А эти вислые ссылки в блоке самооценки? И вот такая структура сортировки входящей информации – это чтоб врагов запутать?

Бобрис неуверенно развёл руками:

– Не, ну давай заново перезапустим... или перепишем... Я бы предложил готовый патч, но ты так нервничаешь, когда заходит речь о Шпультке...

– Фима, – сжал губы Коровин. – Ты уже совсем-совсем забыл, что экспериментальный экземпляр маленькой железной собачки сгрыз уникальную библиотеку в семь тысяч томов, предварительно прочтя её в отсутствие хозяина до последней страницы? Это произошло после того как твой патч подлатал твой же трухлявый код! Страшно подумать, что под такой программой сотворит трёхэтажный домина!

– Со Шпульткой всё случилось уже после сдачи! – возмутился Бобрис. – Это даже

в протоколе о прекращении дела написано! А патч был отличный! Тем более, что я его потом ещё два раза перепатчил. Посмотри, как было – и как стало! Он кидался в Коровина структурными схемами, таблицами и диаграммами. Исправлять исправления – это было очень в стиле Фимы. Кто же в здравом уме будет вручную переделывать неудачные куски программы? Бобрис любил, чтобы сам процесс выглядел красиво, не говоря о результате... А точнее – иногда не говоря о результате.

Коровин бегло просматривал падающую на экран цветную мишуру, уже понимая, что другого выхода у него всё равно нет. Кто кроме Фимы мог разобраться в фицином творчестве? Результаты тестирования выглядели утешающе – патч действительно подправлял нестыковки, породившие эмоциональный перекосяк в псевдоинтеллекте Терема.

Коровин сплюнул через плечо и инсталлировал бобрисовскую заплатку.

– Видишь? Всё в ажуре! – бодро сказал Фима. – До завтра, старик!

Коровин снова запустил процессоры Терема и несколько часов пялился в монитор, проверяя, сработал ли патч. Потом вызвал дизайнера. Разгильдяй вопреки опасениям оказался на связи, и даже обрадовался вопросу о том, кто возглавит комиссию:

– Улавливаю ход твоей мысли, коллега! И настраиваюсь на волну твоего креатива!

Забрасывая Коровина видеофайлами, он комментировал:

– Наша «заказесса» – бывшая модель, с десяти лет на подиуме. Человеческое лицо подростковой парфюмерии и пластиковых электропедов. Сейчас, конечно, это настоящая синьора, образцово-показательная жена владельца дружественной корпорации. Но по-прежнему следит за каждым пикселем своего внешнего вида.

Коровин тяжело вздохнул... и принялся вместо доводки Терема до ума изучать биографию незнакомой тётки.

Коровин застыл на крыльце мрачной сутулой глыбой, по-мефистофелевски положив руку на притороченный к поясу коммуникатор.

Первым заявился бесстрашный Бобрис.

– Улыбайся, Коровин! – Фима ткнул товарища в рёбра. – У тебя красивые

зубы, пользуйся этим! От твоей улыбки сейчас всем станет теплее и экономически выгоднее!

Один за другим к особняку подползали пафосные чёрные катафалки приёмной комиссии.

– Порви шаблон, – накачивал Коровина Бобрис. – Покажи им Терем так, чтобы у них шерсть облезла!

– Я тебя, Фима, потом убью, – предупредил Коровин. – А пока – не учи учёного. Подошёл со своей гвардией Нил Зерович, пахнувший валидолом.

– Прошу любить и жаловать... – он подтолкнул Коровина в спину, навстречу бесстрастной снежной королеве, поднимающейся по ступенькам. Заказесса и сама умела ломать шаблоны. Стоило Нилу Зеровичу заикнуться насчёт «посмотрим домик», как ему было предложено вместе со всеми остальными подождать на кухне, «чтобы не мешать восприятию концепта».

Коровин настроил Терем на голос будущей хозяйки, и заказесса углубилась в дом.

Коровин снял с пояса коммуникатор, и через камеры Терема наблюдал, как идёт осмотр объекта. Нил Зерович сотоварищи сгрудились вокруг, пытаясь сразу впятером заглянуть в маленькое окошко монитора.

Сначала заказесса вдоволь позабавилась с интерьерами гостиной. Терем, сама любезность, предлагал ей «обои, чтобы с полосочками» и «какую-нибудь мебель посветлее». По первому же намёку он цинично корректировал разработки ведущих мировых дизайнеров, подстраиваясь под вкус хозяйки. Под конец они так спелись, что заказесса принялась рассказывать Терему о приёме в каком-то посольстве, и какие безвкусные там стояли диваны... пока не опомнилась и не прервала себя на полуслове.

В спальне она первым делом спросила про шкафы.

– Я подам вам всё, что пожелаете, – вежливо ответил Терем.

Перед заказессой закружилось разноцветье платьев, юбок, костюмов, блузок... Разгильдяй-дизайнер не столько по просьбе Коровина, сколько по собственному почину просидел всю ночь, чтобы настроить именно дресс-блок наилучшим образом.

Перед заказессой возникла она сама... её чуть-чуть усовершенствованная, словно хороший портрет, трёхмерная копия.

– Вы хотели бы одеться для деловой встречи? Или в театр? – мягко спросил Терем.

Полтора часа как корова языком слизнула – ребёнок, в детстве не наигравшийся в куклы, весьма серьёзно подошёл к процессу.

Наконец, завершив обход дома, заказеса вышла на кухню.

– А что же здесь так пустынько? – капризно спросила она.

Поскольку вопрос адресовался людям, Терем смолчал.

– Ну как – пустынько? – Коровин взял инициативу на себя. – Тот же принцип, что и везде – дом предложит всё, что нужно. Двести пятьдесят ресторанов, лучшие повара, сверхбыстрая доставка...

Заказесса поджала губы:

– Вообще-то, я сама люблю готовить... порой.

Терем среагировал сам, и мгновенно. Кухонная стена вспучилась и лопнула, открывая ряды полок, заполненных радужным калейдоскопом баночек с пряностями и крупами, зарослями свежей зелени, разноцветными горками овощей и фруктов. Пол вздыбился кольцом разделочных столов, мойкой, двенадцатиконфорочной плитой, прозрачным холодильником, в котором угадывались корзинки грибов, ломти мяса, рыбные тушки. Из ниоткуда выросли миксеры, шейкеры, блендеры, грили, фритюрницы, мармиты, мясорубки, пароварки...

– Эта опция всегда останется при вас, сударыня, – галантно развёл руками Коровин.

С этого момента, хотя сдача продолжалась ещё пять часов, сомнения в успехе уже не было.

– Знаете... – заказесса чуть задержалась на пороге, полуобернувшись к Коровину, протянула в его сторону безупречную длань. – Вы молодец!

И не менее эффектно покинула Терем.

– Как вы это делаете, Коровин? – негромко поинтересовался Нил Зерович, вытирая испарину со лба.

Коровин пожал плечами:

– У нас, эргономистов, свои подходы...

Обычно Фортуна навещала Коровина по понедельникам. Когда в акте приёмки работ появилась последняя подпись, он окончательно поверил, что в этот раз обошлось.

Коровину разрешили остаться в особняке до вечера – собрать вещи, то да сё. Кортёж чёрных лимузинов, шурша гравием, неспешно выполз за ворота имения.

– Ничё так потусились, а, браза? – прокомментировал отъезд комиссии Терем.

– Браза. – Машинально повторил Коровин. – Исключить из лексикона. Предложить синонимы.

– Да ладно, браза, выдыхай! – дружелюбно посоветовал Терем. – Работа сдана, мир прекрасен, пренебреги мелочами. Заходи, я сделал красиво! Пойдём, оттопырится – как никак прощальный вечер!

Коровин медленно обернулся. Холл преобразился. Коровин готов был отдать параллельный кабель на отсечение: сто лучших дизайнеров и не предполагали, что атрибуты их изысканных интерьеров можно смешать столь кардинально.

Аскетичный квадратный стол времён покорения Америки лишился ножек и превратился в дастархан, заполненный фруктами, шипящими горшочками, часоколом островерхих бутылок. Разноцветные шифоновые занавеси украсили окна, воссоздав цветовую гамму ямайского флага. Подушки, расшитые лилиями и львами в стиле эпохи Луи Тринадцатого, были небрежно разбросаны по устиланному персидскому ковру. Из глубины дома донеслись первые аккорды расхлябанной карибской гитары. С огромного, в полстены, постера загадочно улыбался Боб Марли.

– Настраиваюсь на волну твоего креатива! – нараспев произнёс Терем. – Сразу за стол – или дунешь сначала?

Коровин непонимающе уставился на самокрутку и зажигалку, возникшие на перилах крыльца:

– Ты где это взял?!

– Да твой непутёвый брат-дизайнер... Нашёл, короче, где нычки устраивать! Чё ты напрягся? Джа разрешает и даже одобряет!

Коровин приложил ладонь ко лбу. Температуры не было.

– Да не парься, браза, – сказал дом, и Коровину показалось, что невидимая рука снисходительно хлопнула его по плечу.

– Ведь главное же, это чтобы войны не было.

«А ведь и правда», – подумал Коровин, – «главное – это чтобы не было войны!»

Куриль он всё-таки отказался.

Терем во все камеры уставился на запад. Коровин сел на крылечко. В миролюбивом молчании они вместе смотрели, как неотцифрованное солнце садится за далёкий аналоговый горизонт.

FLUKE®

Тепловизор Fluke Ti20

Инфракрасный тепловизор, обеспечивающий эффективную диагностику и прогнозирование с помощью инфракрасной термографии и предназначенный для использования инженерами по промышленному обслуживанию при революционном соотношении цены и качества.

Тепловидение

Предоставляя подробное изображение и используя цвета для отображения температуры, тепловизоры позволяют быстро определять температуру поверхности и легко обнаруживать места перегрева, которые зачастую являются ранними признаками близкого отказа оборудования. Использование тепловидения в качестве средства профилактического обслуживания значительно сокращает убытки от незапланированных простоев, улучшает качество продукции и эффективность производства.

Полностью радиометрический

Будучи разработанным для простых операций по принципу "наведи-и-сними", прибор Ti20 оснащен дополнительным датчиком, использующим технологию радиометрических измерений для хранения данных о температуре каждой из тысяч калиброванных точек измерения на тепловом изображении. Эта технология полностью радиометрического измерения позволяет производить подробный анализ, определять тенденции и изменять параметры изображения как в производственных условиях, так и по возвращении в офис.

Оптимизирован для профилактического техобслуживания

С помощью программного обеспечения для обработки InsideIR (входит в комплект) на Fluke Ti20 можно установить "маршрутную карту" обследования, описывающую последовательность регулярной проверки состояния оборудования. Полученные изображения можно загрузить и сравнить с предыдущими изображениями для выявления потенциальных проблем до того, как они станут причиной отказа. Это делает Ti20 эффективным средством программы профилактического обслуживания.

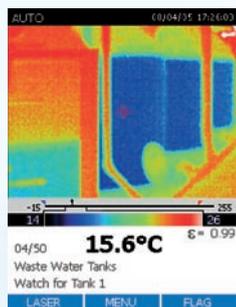
Высокая производительность для промышленного применения

Обладая сбалансированной конструкцией, тепловизоры Fluke Ti20 удобно размещаются в руке и позволяют выполнять операции одной рукой. Прибор питается от аккумуляторной батареи, обеспечивающей до 3 часов непрерывной работы, а диапазон измерения температур составляет до +350°C — эти показатели делают этот прибор пригодным практически для всех применений профилактического обслуживания промышленного оборудования.

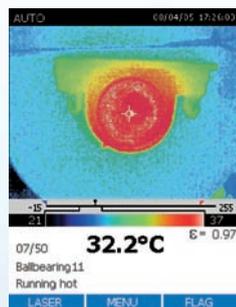

Универсальное решение

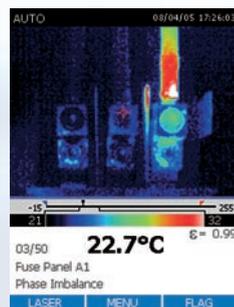
Fluke Ti20 поставляется в комплекте со всеми принадлежностями, необходимыми для начала работы. Устройство оснащено мощным аналитическим программным обеспечением InsideIR с неограниченным использованием, блоком питания от сети переменного тока, кабелем USB, футляром для переноски, комплектом аккумуляторных батарей, ознакомительным руководством и интерактивным компакт-диск с обучающими материалами.

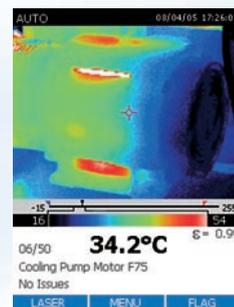
Контроль технологических установок теперь осуществляется очень просто

Высокая температура шарикоподшипников - ранний признак скорого отказа

Разность температур между фазами может указывать на несимметричность нагрузки

Перегрев двигателя может указывать на заниженные номинальные характеристики

Подробная информация о тепловизоре FLUKE Ti20, а также о других приборах производства компаний FLUKE, FLUKE networks и FLUKE Meterman смотрите на сайте группы компаний ICS:

www.icsgroup.ru